

Россия и западный проект

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Так что нас разделяет? Была в России — и сейчас существует — достаточно широко представленная группа западников, идентифицирующая себя с Европой. Но есть ли в Европе аналогичный по масштабу круг лиц, которые идентифицировали бы себя с Россией? По-видимому, за исключением каких-то групп маргинальных интеллектуалов, — нет. Популярной в свое время являлась идентификация западной интеллектуальной элиты с идеологией коммунизма. Но именно с коммунизмом, а не с Россией.

Россия неоднократно предпринимала попытки стать Европой (= Западом). Эти попытки не увенчались успехом. Но предпринимала ли Европа попытки стать Россией? О такого рода попытках ничего не известно. Действительно, западные интеллектуалы были в 1920–30-е гг. увлечены проектом левого коммунизма. Но когда в середине тридцатых под вывеской коммунистической идеологии произошел поворот к русской национальной традиции, на Западе это обернулось инфернализацией коммунизма. Таким образом, вопрос заключается не в том, является ли Россия Европой или нет, а в том, что Европа Россию европейской страной не считает. В Европу Россию не пускают и не пускают. Из этого, собственно, и надо исходить.

Мне представляется, что решая сформулированные в докладе вопросы следует разграничивать две проблемы: первая — это проблема «Запад как цивилизация», и вторая проблема — это «западный проект».

Предпринятый анализ позволяет утверждать, что «западный проект» имеет реальное историческое существование. Именно он определяет парадигму унифицирующей глобализации. По существу, под глобализационной ширмой осуществляется экспансия цивилизации Запада в масштабах планетарного универсума. Однако на пути воплощения западного проекта сохраняются еще определенные препятствия. Главным из них выступает Россия. Именно в ее способности удержания мира от западной универсализации заключаются возникающие антагонизационные противоречия. «Европе, — писал в свое время И.А. Ильин, — не нужна правда о России, ей нужна удобная о ней неправда. Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивиловать ее по-своему»; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; реакционная — чтобы оправдать для нее революцию и требовать для нее республики; религиозно-разлагающаяся — чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная — чтобы претендовать на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии». Все сказанное русским философом об отношении Европы к России может быть применено и к Западу в целом.

Чем же утратившая, казалось бы, статус сверхдержавы современная Россия мешает сегодня цивилизации Запада? Попытаемся установить эти препятствия по максимально широкому спектру параметров цивилизационного существования.

Экономический аспект

Российская мир-экономика, в силу имеющейся ресурсной базы и сохраняющихся с советского времени инфраструктур, представляет собой потенциально самодостаточную систему. Россия — единственная страна мира, принципиально способ-

ная сегодня к автаркийному существованию. Международная изоляция, судя по опыту первых послереволюционных десятилетий, сама по себе не является действенным средством борьбы против России. Напротив, крупнейшие за ее историю экономические прорывы происходили при минимизации степени открытости. Россия, таким образом, способна экономически оставаться вне рамок системы «нового мирового порядка». Соответственно с этой возможностью она может стать альтернативным полюсом мировой экономики.

Социальный аспект

России единственной исторически удалось соединить коллективистскую ценностную парадигму с парадигмой модерна. Принципы построения общины экстраполировались в ней на организацию всего социума. Посредством российского социального эксперимента дезавуировался тезис об универсальности западного пути индивидуализации общественного бытия. Россия исторически декларировала противоестественность системы капиталистической эксплуатации человека человеком. Имея перед собой вызов российской утопии, Запад был вынужден реализовывать у себя программу построения социального государства. При этом отдельные вершины утверждаемого в России социального эксперимента оказались для Запада недостижимыми. Отсюда установка западного проекта на снятие российской претензии к несовершенству социальности Запада.

Политический аспект

Российский опыт построения государственности опровергает глобалистское утверждение об универсализме модели либеральной демократии. Речь, причем, идет не о возмож-

ности построения иной политической системы. Примеры такого построения не ограничиваются российским историческим опытом. Дело в другом. Россия доказала модернизационную эффективность государства, организованного на отличной от западной политической модели функциональной основе. Российская государственность, в силу объективных причин, выстраивалась не снизу — как на Западе, — а сверху. Не общество учреждало в ней государственную власть, а государственная власть организовывала общественные институты. Проекция, идущая сверху, позволяла установить мост между государством и сферами высшего идеального начала, одухотворяя всю государственность. Система, выстраиваемая снизу, являясь сугубо материальным феноменом, такого рода связи была лишена. Отсюда патологическое неприятие на Западе «российской автократии». Отсюда определение «русского царя» как главного сдерживателя мирового прогресса. Отсюда же появление русофобских по содержанию либеральных клише — типа «путинярня».

Национальный аспект

Россия создала исторически уникальный тип национально-интегративной государственности. Русский колониализм, в отличие от западного, имел мессианский характер. Принципиально отвергалась положенная в основу экспансии Запада практика колониального этноцида. Россия продемонстрировала потенциальную возможность сочетания многоцветия этнических идентичностей и политического единства. Русский путь политэтнической консолидации дезавуирует формат космополитической рецептуры современной глобализации. Положенному в основу западной модели национального государства принципу моноэтнизма гражданской нации Россия противопоставляла альтерглобалистскую симфоническую систему. Вокруг системообразующего ядра

государствообразующего народа выстраивалось многообразие земель и этносов. Россия самим фактом своего существования опровергала тезис о predeterminedности тренда унификации национальных культур. Западный проект подразумевает, с одной стороны, дезинтеграцию под лозунгом права наций на самоопределение геополитически значимых центров силы. Доведя суверенизацию до стадии атомизированного расщепления, с другой, инициируется процесс космополитического унифицированного всечеловечества. Опыт интегративного полиэтнизма выступает, таким образом, прямым препятствием указанного проектного воплощения.

Религиозный аспект

Еще более диссонирует с западной практикой монистического миростроительства российский опыт интегративного религиозного сосуществования. Россия — единственная страна, в которой на уровне этноидентификаторов представлены все три мировые религии — христианство, ислам, буддизм. Представление о конфликтогенной парадигме религиозного диалога с позиций российского исторического опыта опровергается. Россия, таким образом, исходя из своей истории, имеет право на выдвижение альтерглобалистской доктрины, сочетающей планетарную коммуникативность с традициями многоцветия религиозных идентичностей. Западный проект секулярной унификации становится в этой постановке вопроса неочевидным.

Конфессиональный аспект

Особое значение, принадлежащее христианскому контексту осмысления вызовов западного проекта, позволяет выделить из религиозной сферы конфессиональный ракурс

проблематики. Российская цивилизация исторически формировалась как альтернативная версия интерпретации учения Христа. Западно-христианский опыт, вне зависимости от его редакций — католической или протестантской, — воспринимался на Руси в качестве еретичества. Соответственно с этим, и вся западная цивилизация — со всеми ее проектными установками — объявлялась религиозным подлогом. Такого обвинения ни одна другая культура, помимо русско-православной, выдвинуть по отношению к Западу не могла. Под сомнение ставилась легитимность западного глобализационного проекта. Какое право имел Запад на его выдвижение, если восприемником единой христианской империи был не он, а Россия? Именно Россия приняла наследие Византии, а через нее и древнеапостольских традиций первоизданного христианства. «Византийский комплекс» на Западе так и не был преодолен. Через него по существу преломляется проблема «христианского первородства» и «христианского старшинства». Пока существует Россия, как единственный легитимный восприемник Римской империи — «последнего мирового царства», претензии Запада на роль глобализатора выглядят с религиозной точки зрения несостоятельно. А нелегитимность глобального проекта для христианской семиосферы — это ни что иное, как избличение Антихриста.

Идеологический аспект

Россия — единственная страна в мире, исторически оказавшаяся способной к выдвижению альтернативной, по отношению к западному проекту, глобализационной идеологии. Некоторое время чаша весов в глобальном проектном противоборстве склонялась в сторону российско-коммунистического планетаризма. Других идеологических конкурентов, способных работать в категориях планетарного ми-

роostroительства, у западного проекта не имелось. Все иные государственные идеологемы формировались в лучшем случае на уровне национально-религиозных амбиций. Сейчас от России ожидается новое слово — «послание миру». Если не вы, то кто же? — задают риторический вопрос противники глобализационной унификации в различных уголках планеты. Способность России генерировать альтернативный проект осознается и на Западе, а потому предотвращение такого рода генерации составляет одну из приоритетных задач программы западнического глобализма.

Военный аспект

Россия — единственная страна в мире, сумевшая не единожды дать успешный вооруженный отпор западной экспансии. Страх перед русским нашествием — реальное психологическое состояние западного обывателя. Его оборотной стороной является феномен русофобии. Наличие значительного арсенала ядерного оружия является прямым физическим сдерживателем западного планетарного экспансионизма. Россия сегодня — единственная страна, которая все еще способна физически уничтожить западную цивилизацию. При ликвидации российского ядерного арсенала Запад ничто бы уже ни сдерживало в установлении прямого диктата над всем человечеством.

Наука, образование, высокие технологии

Россия — единственная страна незападного ареала, которая по своим инфраструктурным и кадровым возможностям потенциально самодостаточна. Она все еще способна самостоятельно формировать целостный цикл высоких технологий. Для сравнения, ни Китай, ни Индия, ни Брази-

лия — за отсутствием соответствующей инфраструктурной базы — такого рода возможностью не обладают. Поэтому только Россия, при соответствующей политической линии, потенциально может стать технологическим конкурентом Запада. С началом модернизации только российская наука и образование оказались способны конкурировать с западной научно-образовательной системой. Приоритет в освоении космоса явился основным индикатором их глобальной конкурентоспособности. По сей день в отдельных своих проявлениях наука и образование России оцениваются зачастую как лучшие в мире.

Особый аккумулятивный потенциал связывался, в частности, с педагогической традицией российской школы. Реализация наряду с собственно обучением, воспитательной и развивающей функции образовательного процесса давала российскому школьнику ряд преимуществ по сравнению с его западным сверстником. Возможности России в реализации полного технологического цикла определяется потенциальной кадровой обеспеченностью на каждой из соответствующих стадий — ученые, инженеры, конструкторы, квалифицированные рабочие. Наличие обеспеченных системой техникумов и ПТУ высокопрофессиональных рабочих кадров является уникальным и, по мировым меркам, неоцененным в должной мере российским ресурсом. И наука, и образование в России пребывают сейчас в состоянии деградации. Однако имеющийся инерционный потенциал позволяют им еще какое-то время служить сдерживателем западного проекта в соответствующих сферах.

Геополитический аспект

Особое положение России, как потенциального препятствия реализации западного проекта, определяется уже самим фактом ее территориального размаха. С крупнейшим

в мире государством, по меньшей мере, нельзя не считаться. Глобализационный проект не будет выглядеть завершенным, если вне рамок его воплощения будет оставаться 1/7 часть сухопутного пространства. Геополитически Россия не просто континентальная держава, а квинтэссенция континентализма. И в этом смысле уже самим фактом своего существования она противостоит атлантистскому вектору сил. Дихотомия принципов «континентализма» и «атлантизма», «колоса суши» и «колоса моря», «теллуракратии» и «тала-сократии» определяют статус России как антипода США, а соответственно, и всего западного проекта. Именно соотносящееся с Россией евразийское пространство характеризуется в геополитике как «ось мира». Лежащие в будауарной зоне Rimland — Китай, Индия, исламский мир, Европа — предстают в мировой геополитической конфигурации лишь зоной атлантистско-евразийского (читай — американско-российского) соперничества.

Этнический аспект

Один из характерных цивилизационных признаков Запада заключается в его внутренней этической расщепленности. Христианские императивы представляли для западного человека некий идеал, столь же ценностно номинированный, сколь и реально недостижимый. Поэтому повседневное бытие определяется на Западе в большей степени этосферой гедонизма. Для других культурных традиций такого рода расщепленность этики в ее повседневном и идеальном преломлении была не характерна. Россия исторически в разных модификационных версиях исходила из установки построения Царствия Божьего на земле. В отличие от Запада, ей утверждалась мысль, что организация общественной жизни на основании христианских императивов возможна. Выведенные за рамки этосферы

христианства иные культуры не выступали для западного мира таким же раздражителем, как Россия. Русская же этологическая утопия подразумевала адресацию прямого упрека гедонистскому Западу в его бездуховности. Формула России — «иное возможно» — дезавуировала этические основания глобалистской универсализации. Апеллируя к духовным основаниям бытия, она создавала определенный ценностный барьер реализации западного проекта. Устраняя Россию, Запад тем самым достигал бы эффекта ретушировки собственной бездуховности.

Ресурсный аспект

Россия обладает мощнейшим в мире ресурсным потенциалом. Эти ресурсы не ограничиваются полезными ископаемыми. Имея в виду перспективу грядущих глобальных вызовов, актуализируется значение других компонентов ресурсообеспечения — запасов пресной воды, экологически чистых зон, незаселенных территорий. Ресурсно Россия даже сильнее совокупно рассматриваемого Запада. Европейская часть западной цивилизации на сегодняшний день энергетически зависима от Российской Федерации. Россия сегодня способна даже разыгрывать, по отношению к Западу, карту энергетического шантажа, оперируя идентификатором «сырьевой империи». Бесспорно, сама по себе ставка на сырье — ввиду возможности диверсификации сырьевых потоков и технологической смены укладов — стратегически бесперспективна. Однако при сочетании с высокими технологиями и инновационной политикой российские ресурсы в итоге могут оказаться решающим фактором глобального геополитического противостояния. Поэтому при сохранении в руках Российского государства существующего у РФ ресурсного потенциала риски реализации западного проекта существенно повышаются.

Исторический аспект

Великое историческое прошлое России не позволяет интерпретировать развитие Запада как универсальную ось мировой истории. Именно она не единожды брала на себя вселенские задачи — будь то освоение космоса или спасение человечества от глобальной агрессии. Именно Россия исторически воспрепятствовала предшествующим волнам мировой западной экспансии. Этого ей на Западе, по-видимому, никогда не простят.

Чтобы реализовать западный проект, препятствие в лице России должно быть устранено. Россия и Запад — онтологические противники. Либо, в перспективе, не будет России, либо не будет западного проекта. Борьба здесь идет в глобальном плане.

«Русского проекта», в отличие от «западного», в действительности никогда не существовало. Был, впрочем, «коммунистический проект», но страново-национальной ориентированности в нем не содержалось. На Западе — очевидно, по аналогии с собственным подходом выстраивания политических стратегий — упорно пытались приписать российской власти наличие такого рода проектных разработок.